15 НОЯ 1952

Город и театр

КОГДА едешь в Камышин из Сталинграда, по обе стороны дороги бегут навстречу машине бесконечные шеренги молодых деревьев. Высокий, уже в человеческий рост ясень соседствует здесь с юными крепышами-дубками, тоненькие березки — с сосняком. Здесь будет лес. Он угадывается уже в этой молодой поросли, обступившей дорогу на много километров вперед. Кругом ни души, но все в этом безлюдье говорит о присутствии человека, всюду — плоды его рук, шаг за шагом, километр за километром переделывающих лицо земли, заставляющих эту выжженную, потрескавшуюся от солнца землю принять в свое лоно и дать жизнь молодой веселой поросли..

На окраине города взгляду открывается новая картина, и с новой силой оживает во плоти могучая созидающая мысль советского человека: еще так недавно читали мы в материалах XIX съезда партии о намеченных новостройках новой пятилетки и среди них — о крупнейшем в мире Камышинском хлопчатобумажном комбинате, а уже возвышаются в двух километрах от города, в голой степи, только что отстроенные дома нового рабочего городка; уже обозначились здесь кварталы; стрелы подъемных кранов и экскаваторов трудолюбиво склонились над степью, и неумолчный шум стройки разносится окрест...

Так живет сегодня старый волжский город Камышин.

Я ехал сюда знакомиться с местным драматическим театром: он помещается близ пристани, в почтительном отдалении от новостроек и лесной полосы; но казалось, что и здесь, в стенах старого театрального здания, должны слышаться отголоски тех больших работ, что развернулись вокруг, день за днем преображая город. Думая о театре, нельзя было не связывать в мыслях его жизнь с жизнью людей, строящих текстильный комбинат, сажающих леса, расширяющих и подымающих ввысь свой город. Что значит для них этот театр, чем живет он и как собирается жить впредь — театр города, которому предстоит в ближайшие годы вырасти в три-четыре раза?..

1.

Обидно было узнать, что театр не пользуется в городе хорошей репутацией. Все, с кем ни приходилось толковать, с огорчением замечали: «Неважные у них дела... плохо ходит к ним народ». На вопрос — почему плохо, отвечали по-разному. Одни говорили, что спектакли в театре скороспелые, небрежные, другие сетовали на репертуар, в котором мало ярких, берущих за душу пьес; говорилось и о том, что зимою театр плохо отапливается, зрители сидят в пальто, — а что это за театр, где нельзя раздеться, удобно расположиться в кресле, с удовольствием пройтись в антракте по фойе! «Нет праздничности, — заметил мне директор лесозащитной станции, — а без праздничности — что за театр!».

В первый же день мне довелось ознакомиться с историей Камышинского театра. Ее хранили старые альбомы с бережно наклеенными газетными вырезками, документами, грамотами, полученными за первенство на областных театральных фестивалях. В 1939 году в числе лучших колхозно-совхозных театров страны камышане едут в Москву; их спектакли получают хорошую оценку в столичной печати.

На этом альбом и кончается. Последние три-четыре сезона никто не ведет историю театра. Впрочем, ее нетрудно воссоздать и без альбомов.

...В искусстве, как и в жизни, линия наименьшего сопротивления приводит к жестоким поражениям. Стоит театру в какой-либо трудный для него момент вступить на путь компромиссов, забыть о высоких целях творчества, как он неизбежно оказывается в тупике. Как живет такой театр? Единственной его заботой становится забота о том, чтобы как-нибудь продержаться, просуществовать, свести концы с концами. Начинается гонка: скорее — новый спектакль, как-нибудь разучить роли, развести актеров, перекрасить задники и — на площадку. Начинаются бесконечные и бессмысленные выезды: куда угодно, как угодно — только бы сыграть, увезти с собой любую выручку и завтра ехать на новое место. Чем дальше, тем все хуже сборы, ибо у зрителя теряется уважение к театру, актеры перестают быть в его глазах людьми, причастными к чему-то высокому, красивому и бесконечно уважаемому — к искусству, превращаются просто в не очень удачливых работников, которые не от хорошей жизни приехали сюда, в районный Дом культуры, и играют всеми давно виденную «Позднюю любовь».

В конце года государство, как правило, покрывает театру задолженность, первые месяцы проходят неплохо, но в апреле—мае театр снова лихорадит, и в конце сезона (а то и в середине) из труппы уходит несколько актеров. С их уходом неизбежно разрушается несколько готовых спектаклей, и к началу сезона театр оказывается без репертуара. Затем появляются новые актеры, приглашенные по переписке или по случайному знакомству, нередко и новые режиссеры — и начинается все сначала. Времени мало, нужно открывать сезон. Режиссер выбирает пьесу, которую он в прежние годы ставил в различных театрах, или ту, в которой в прошлом сезоне на сцене Н-ского театра играл актер такой-то; разучиваются роли, делается «разводка» — по одной репетиции на картину, срочно перекраиваются декорации и костюмы — и снова гонка, снова бесконечные выезды, снова однообразная и бесплодная работа, в которой поддерживает одна только надежда: вот вылезем, продержимся, а там «когда-нибудь» и искусством займемся...

Именно в таком положении оказался Камышинский драматический театр.

Когда и как это началось и почему продолжалось, нетрудно понять, если вспомнить, сколько раз менялись в театре на протяжении последних лет директора и главные режиссеры. С приходом каждого нового главрежа положение становилось все хуже. В театр присылались люди, не справившиеся с работой в прежних местах, и после того, как выяснялось, что они не справляются и здесь, перебрасывались на новое место. Было время в прошлом году, когда театр вовсе остался без режиссуры и спектакли ставились силами самих актеров. Сейчас нет главного режиссера.

Долго не везло театру и с директорами. Среди людей, перебывавших на этом посту, попадались и разгильдяи и пьяницы; был один, который пытался даже сам ставить спектакли и играть роли, будучи весьма далек от искусства... Словом, система «переброски», перемещения руководящих кадров, столь широко практикуемая в органах по делам искусств, дала себя знать и в Камышине сполна.

Положение улучшилось с тех пор, как директором театра был назначен С. Мантуров, пришедший сюда с партийной работы, трудолюбивый, преданный делу руководитель. Но к моменту его прихода театр оказался уже в таком состоянии, когда одному директору трудно было что-либо всерьез изменить. Достаточно сказать, что в течение сезона 1950—1951 гг. из труппы ушло 16 актеров, т. е. подавляющее большинство. Из-за этого преждевременно рассыпалось 10 спектаклей. К концу сезона театр остался с одной «Поздней любовью», которую, конечно, пришлось играть бессчетное число раз...

В следующем сезоне Мантурову удалось резко умерить текучесть и создать достаточно стабильную, хотя и не совсем правильно укомплектованную труппу. Каждый шаг давался с огромным трудом. Новичок в театральном деле, Мантуров не встретил никакой поддержки, никакой помощи в областном отделе по делам искусств. Он работает уже год с лишним, но за все время ни разу не был вызван в Сталинград для беседы, ни разу не был проинструктирован. Тщетно пытался Мантуров в начале прошедшего лета добиться в областном отделе созыва специального совещания и составления единого плана гастролей внутри области. В результате Камышинский театр, как и другие театры области, блуждал все лето без руля и без ветрил, то и дело натыкаясь на «конкурента», показывающего ту же пьесу.

Не имея по штату заместителя, не имея ни администратора, ни помрежа, ни руководителей ряда технических цехов, Мантуров стал работать «за всех»; когда же театр оказался вдобавок без главного режиссера, ему пришлось и приходится по сей день буквально разрываться на части. По вине областных организаций в театре с большим опозданием — уже перед самым открытием этого сезона — начался ремонт. По-прежнему плохо с отоплением. Нет квартир для вступивших в труппу новых актеров. Недостает материалов для декораций. Нет таких элементарных вещей, как грим, лак и т. п.; заявка театра, посланная в Театснаб, осталась без ответа...

Крайне мало занимаются театром и местные организации. Время от времени тов. Мантурову помогут, скажем, в делах ремонта или в печатании афиш, но настоящей заинтересованности в судьбе театра не чувствуется. Редко, по большим праздникам бывают здесь городские руководители; в перерыве между торжественным заседанием и концертом осведомятся: «как в театре?» — и все. Нет у них никакого стремления прославить свой город и на театральной ниве.

И вот с утра до поздней ночи поглощен директор решением по большей части мелких, но столь существенных сегодня для театра хозяйственных дел. Правда, с помощью общественных организаций ему удалось наладить в коллективе занятия по актерскому мастерству, но на общий курс театра это никак не повлияло. Курс остается прежний: как можно скорей готовить и показывать всюду, где только можно, все, что только можно, лишь бы как-нибудь продержаться...

2.

На левом берегу Волги, в районном центре Николаевском назначен был спектакль «Дама-невидимка». Зал районного Дома культуры был на этот раз полон. Судя по всему, камышинский коллектив здесь знали. Появление на сцене некоторых актеров, в частности старожилов театра Ивана Николаевича и Екатерины Филипповны Гуро, вызвало в зале характерный одобрительный шумок: так встречают старых знакомцев.

Но что это был за спектакль! Играли как бог на душу положит, мало заботясь о создании характеров, о выявлении идеи, каждый в меру своих возможностей и своего понимания пьесы.

В зале с интересом следили за перипетиями, дружно смеялись при репликах слуги Космe — И. Гуро, но успеха не было. Это чувствовали и сами актеры. Они достаточно трезво оценивали качество спектакля, свою собственную игру и не питали никаких иллюзий. И хотя это была по существу премьера, и после спектакля за кулисами был наскоро собран скромный стол, не слышно было в тот вечер ни поздравлений, ни обычных расспросов: «Ну как спектакль?». О спектакле все стыдливо молчали.

Несмотря на поздний час, актеры решили сегодня же возвращаться в Камышин и отправились пешком к переправе. Наутро предстояла очередная репетиция «Любови Яровой».

Мне довелось присутствовать на этой, как и на последующих репетициях; было здесь нечто такое, что обнадеживало, вселяло веру в возможности театра. Разошлась пьеса довольно удачно, хотя отдельным исполнителям досталось по две-три, а одному даже четыре эпизодические роли. Пьесу все хорошо знали, многие играли в ней прежде. Это-то и представляло особую трудность для молодого режиссера Лилианы Георгиевны Микаэлян — недавней выпускницы театрального института. Она хорошо разработала режиссерскую экспликацию, продумала каждую роль, наметила и разъяснила актерам их действенные задачи. Как и следовало ожидать, старожилы театра репетировали наиболее уверенно и слаженно. Труднее пришлось режиссеру с другими исполнителями, пришедшими в театр недавно: чувствовалась разница школы, манеры игры, не у всех было хорошо с речью.. К тому же и старых актеров часто тянуло на привычное, на штампы. Между тем, о чем говорилось в период застольной работы над пьесой, и тем, что делалось на сцене, существовал непреодолимый разрыв.

С каждой новой репетицией Микаэлян все яснее понимала, что нужно еще много, очень много времени, чтобы достичь с разношерстным коллективом результатов действительно художественных. Но с каждой новой репетицией неумолимо приближался день открытия сезона, и энергичная, темпераментная Микаэлян с горечью поняла, что остается лишь доделать и выпустить спектакль.

Зато больше, чем когда-либо прежде, прониклась она теперь враждой к ремесленничеству; больше, чем когда либо прежде, загорелась она желанием бороться в меру своих сил за подлинное творчество. «Иначе надо сразу же уходить из театра», — заявила она на репетиции, откровенно поделившись своими мыслями с коллективом. И ее поддержали.

Это и составляло то отрадное, что довелось вынести с репетиции «Любови Яровой».

После репетиции было объявлено общее собрание работников театра, и все собрались в кабинете директора. Об этом хочется рассказать подробнее.

3.

Собрание началось с доклада председателя обкома профсоюза работников искусств Р. Титовой, незадолго перед тем приехавшей из Сталинграда. Было зачитано и прокомментировано постановление ПБ профсоюза, относящееся к Сталинградской области. Много было правильного, дельного в этом постановлении, но были и такие моменты, которые заставляли насторожиться, свидетельствуя о беглом, поверхностном характере обследования, послужившего основой для этого документа. Что касается Камышинского театра, то обследователи настолько не разобрались в его бедах и нуждах, что не заметили основного — погони за количеством спектаклей в ущерб качеству; более того, тот факт, что театр выпустил в 1951 году 12 спектаклей вместо запланированных 14 был... поставлен ему в упрек. Вот уже поистине — пальцем в небо!

Неудивительно, что именно это замечание о количестве спектаклей и стало предметом самых оживленных прений.

— Не много ли — 14 спектаклей в год для такого театра, как наш, с труппой в 18 человек? — спросил артист С. Дулкин. — Удивляюсь, почему не понимают этого в Комитете, в ПБ союза!

— А они там не знают положения! — заметил кто-то с места.

— Как же не знают! — воскликнул Дулкин. — Каждый год по два-три представителя приезжают!

— А что представители! — заметила актриса К. Мамыкина. — Пусть не обижаются товарищи, которые у нас сегодня в гостях, но, честное слово, нет у нас уже веры в визитёров! Сколько народу приезжало, знакомилось с нашей работой, а ведь все остается без перемен! Мыслимое ли дело так работать! — продолжала она горячо. — Мы гонимся за количеством, а от этого страдают и сами актеры, и оформление. Отсюда и бедность наша: вы посмотрите, как народ одевается, какие нарядные люди в зале, а у нас в костюмерной — тряпки, в ситцевых платьях на сцену выходим...

— Тут жаловались на областной отдел искусств; почему нам не дали гастролей в Сталинграде, почему не послали в другую область, — снова заговорил Дулкин, очевидно, особенно задетый за живое. — А я вам скажу: не имеем мы права выезжать со своими спектаклями на хорошие площадки, и правильно, что нас туда не пускают. А все — гонка! Ведь помните, товарищи, дело доходило до того, что по три-четыре спектакля в день играли в районах. Нельзя этого делать. Нельзя в «Земном рае» одному Маслакову играть две роли, прямо противоположные — Бойко и Бориса!

— Не знаю, товарищи, что у нас будет, в конце концов, с «Яровой», — как бы в ответ на эти слова подумала вслух Микаэлян.

— Не надо было ставить «Яровую»! — раздалась чья-то реплика.

— Нет, надо было! — воскликнул артист Гуро, в возбуждении поднимаясь с места. — Вы вспомните, как было у нас с «Ревизором» в прошлом сезоне. Сколько было противников, как скептически отнеслись многие к нашей затее! А получился неплохой спектакль, и шел он у нас втрое дольше, чем все остальные. Так и сейчас с «Любовью Яровой». Это должен быть наш подарок городу!..

Начала прений так никто и не объявлял, но в кабинете директора долго все шумело и бурлило. Я не привожу здесь всех выступлений, их смысл был один: так дальше нельзя, самые принципы работы театра должны быть коренным образом пересмотрены. Театр третьего пояса не должен быть театром третьего сорта!

4.

Мы возвращались с собрания и думали, как же быть все-таки с театром третьего пояса, существующим здесь, в Камышине? Может ли такой театр работать безубыточно? Может ли он стать театром в подлинном значении этого слова или условия работы в маленьком городе, при «маломощных» площадках вокруг, неизбежно обрекают его на гонку спектаклей, на ремесленничество?

Вопрос тут гораздо сложнее, чем могло бы показаться на первый взгляд; он требует самого глубокого и всестороннего общественного обсуждения. Бесспорно, что у театров третьего пояса есть некоторые общие проблемы, которые пора, давно пора ставить на повестку дня.

Здесь хотелось бы сказать лишь о том, как обстоит дело, на наш взгляд, конкретно с Камышинским театром.

Конечно, тысячу раз правы актеры, видящие причину трудностей, переживаемых театром, прежде всего в низком качестве спектаклей. Хорошо, что эта истина ими глубоко и искренне понята. Камышинская труппа может стать полноценным творческим коллективом, может создать настоящий театр, но для этого:

во-первых, должен быть пересмотрен и укреплен состав труппы — укреплен в первую очередь талантливой творческой молодежью, выпускниками театральных вузов (сейчас их в труппе почти нет); театр должен возглавить способный и энергичный главный режиссер — человек, который не захочет довольствоваться кое-как сделанными спектаклями, не пойдет на компромиссы, но задастся большими идейно-художественными целями и будет твердо вести к ним коллектив;

во-вторых, курс на высокое качество спектаклей, на поднятие авторитета театра в глазах населения должен стать главной линией руководства;

в-третьих, должно быть радикально изменено отношение к театру со стороны Комитета по делам искусств и его органов; театру в Камышине должна оказываться такая же (если не большая) помощь и предъявляться не меньшая мера требовательности, чем к любому из театров республиканского и областного подчинения;

в-четвертых, должен быть решен вопрос о систематической (а не периодической) творческой и материальной помощи театру со стороны Сталинградского областного драматического театра, Театра музыкальной комедии;

в-пятых, театр должен чувствовать постоянное заинтересованное внимание к себе городских организаций, такое же внимание, какое оказывается школе, печати, другим идеологическим и культурным учреждениям.

Что тут невыполнимого! А ведь если обеспечить эти условия, какие широкие перспективы открываются перед театром! Культурно поставленный и сыгранный, хорошо «одетый» спектакль, как показывает опыт, идет на стационаре вдвое, если не втрое, дольше, дает театру вдвое, если не втрое, большие сборы, нежели два скороспелых «проходных» спектакля, вместе взятых. Пусть возможности стационара ограничены, — с хорошими спектаклями не стыдно ехать в Сталинград, с ними можно выйти на лучшие площадки своей области, соседних, а быть может, и дальних областей.

5.

В городском комитете партии, в горисполкоме, в редакции местной газеты «Ленинское знамя» вам с гордостью расскажут о замечательном будущем города Камышина. Новый, прекрасный город на берегу Сталинградского моря, город, окруженный зеленым поясом насаждений, открывается взору. Новые многоэтажные здания (300 тысяч квадратных метров жилой площади), новые учебные заведения (техникум, 10 средних школ), дворец культуры, кинотеатр, стадион, бульвары и сады, разбитые вдоль набережных, — таков облик этого города, который скоро станет реальностью. Ведь уже в 1954 году войдет в строй первая очередь текстильного комбината, а в 1956 году он должен работать на полную мощность! В три-четыре раза возрастет население Камышина.

Генеральным планом предусмотрено также строительство нового театрального здания. Об одном пока не слышно: какой театр, какая труппа будет в нем играть.

А ведь создание театра — это немаловажный вопрос. Это вопрос культурного строительства нового города, которое должно сопутствовать строительству материальному. Это вопрос о том, как будут жить духовно, как будут учиться и отдыхать новоселы и старожилы преображенного Камышина. Было бы ошибкой полагать, что будет город, а театр «приложится», что театр может быть перестроен или заново создан в течение двух-трех месяцев. Искусство, настоящее, большое искусство для Камышина нужно создавать уже сейчас, создавать вместе с новыми зданиями, новыми предприятиями, и это должно стать общей заботой и самого коллектива театра, и городских, и областных организаций, и Комитета по делам искусств.

Вся наша страна охвачена вдохновенным строительством, выполнением нового пятилетнего плана, начертанного партией. Разве не прямой долг театра — найти свое место в этой общей, всеобъемлющей созидательной работе? Разве не является делом нашей общей ответственности, чтобы вместе с нашими городами, большими и малыми, росли и развивались наши театры, ни на шаг не отставая от стремительного движения народа, которому они служат!

Ан. ГРЕБНЕВ.

Спец. корр. «Советского искусства».

СТАЛИНГРАД—КАМЫШИН.